

В контакте

11 июня 2009 в 23:03

не смотря ни на что нужно радоваться жизни...

она может закончиться...

и ты уйдешь не удовлетворенный ею...

статус Лизы

/трагически погибла в возрасте 20 лет

15.10.10/

В сети полно мёртвых.

Нет, правда.

Разумеется, специально я ничего не искала. Всё началось с одного незначительного эпизода.

От кого: Натальи [без паники, я доктор] Кель

Кому: Кристине [Lady Kay] Клепиковой

Тема: Светлая память????

Сообщение: Здравствуйте, Кристина!

Ума не приложу, что значит ваша надпись на моей стене.

Объясните-просветите, а то как-то жутковато... ^_^

От кого: Кристины [Lady Kay] Клепиковой

Кому: Наталье [без паники, я доктор] Кель

Тема: (Re) Светлая память????

Сообщение: Извините Наталья! Произошло недоразумение. Недавно узнала, что не стало моей бывшей одноклассницы. Мы не общались близко, но всё равно жаль... Вы её полная тёзка, вот я и обозналась. Фамилия-то редкая!

Всё удалено!

Ещё раз извините.

В поисковике ввожу Наталью Кель. Шестнадцать человек. Не такая уж редкая фамилия, особенно, если учесть, что это – в сочетании с именем.

Просматриваю список – безрезультатно. Которая?

От кого: Натальи [без паники, я доктор] Кель

Кому: Кристине [Lady Kay] Клепиковой

Тема: (Re2) Светлая память????

Сообщение: Здравствуйте, Кристина!

Извините за беспокойство. И не сочтите за праздный интерес. Раз уж по воле случая так сложилось, расскажите, что произошло с моей тёзкой.

От кого: Кристины [Lady Kay] Клепиковой

Кому: Наталье [без паники, я доктор] Кель

Тема: (Re3) Светлая память????

Кель Наташа

Умерла в апреле.

Заразилась менингитом.

Она всегда была веселой. Никогда не помню её грустной.

Посмотрите, вот ссылка.
Жаль очень(((

Я прохожу по ссылочке и вижу её. Наташа. Кель. Как я, только другая. Мёртвая.
А на страничке интересы в настоящем времени: «*Люблю вишневое мороженное и мыльные пузыри...*»

И тут же подписи знакомых и незнакомых людей.

Помним...Любим...Скорбим...
Люблю мультфильмы...

Я не знала эту девушку.....Но и уже никогда не узнаю....Горько видеть, что такие красивые люди уходят из жизни.....Соболезную....Очень тяжело передавать свои чувства и ощущения на странице.....Мне очень жаль.....

Люблю гулять под дождём босиком и без зонтика...

=(
†

... смешивать чёрный чай с зелёным...

светлая память...помним..скорбим

... радугу после грозы...

Скорбим и помним
спи спокойно.....

... красное вино и белые розы...

Мои соболезнования. Это ужасно, когда люди умирают молодыми.
Пусть земля тебе будет пухом!!!

... когда цветут яблони...

Солнышко, очень тебя не хватает!

... целоваться во время медленного танца ...

Rest In Peace

Люблю искренних людей...

очень больно видеть страницу человека, которого больше нет...(((вечная
память..(((
родились в один день...и имя одно...

... когда в ванне много пены...

не могла не написать...надеюсь у тебя там всё хорошо...

...белых котят люблю...

покойся с миром...=(

... не люблю длинные ногти, лифы с параллоном...

+ Царство небесное +

... не люблю, когда плачут маленькие дети...

чѐ с ней случилось?

... глупые вопросы ...

Понимаю, почему нас спутали. Я на Аве в «наморднике», то бишь - в марлевой повязке. По глазки. Было прикольно. Плата за оригинальность – эпитафия на стену.

Но самое тяжелое не это. Замираю в нерешительности: написать или нет? Что? Ведь прочтут родные, друзья. А мы с ней тѐзки...

Наконец, решаю оставить короткое «RIP». Не «покойся с миром». Это кажется не уместным от незнакомки, как-то слишком. По-английски – проще.

Я скольжу взглядом по страничке мѐртовой девушки, как будто провожаю её в последний путь. И вдруг вижу светящуюся надпись: «онлайн».

Мне становится жутко, как если бы я вдруг увидела медленно расплывающиеся в улыбке губы покойника.

Жму на красный крест. Вот она, скорая помощь – всегда действует безотказно.

После я иногда натыкалась на странички с эпитафиями, но обходила их стороной.

Мѐртовые странички.

Dead page – назовѐм это по-английски и уже не так страшно.

***

Физическая смерть меня не пугает, как таковая. Медик, знаете ли.

В детстве, конечно, боялась мертвецов.

А вы знаете, что слова «мертвец» и «покойник», с точки зрения грамматики русского языка, являются одушевленными?

Помню один эпизод. Мальчик из нашего класса утонул в речке, и мы все, ученики 6 «Б», явились проводить его в последний путь. Помню его бледную мать. Еѐ остекленевшие от слѐз глаза. Помню его в гробу. Как живой. Почти сразу выловили, но откачать, почему-то не сумели. Перед тем как ехать на кладбище, его на улицу вынесли.

Смотрю я и вижу, как ветер чѐлку его шевелит. И, кажется, он просто даже не спит, а притворяется спящим. Словно он в любой момент улыбнѐтся караем губ. И мне кажется, что я даже видела эту улыбку, едва-едва уловимую. Как будто он знает что-то, чего мы, живые, ещѐ не знаем.

Вот это и отразил наш мудрый древний язык, это детское предчувствие души в остывшем теле. И поэтому, слова «мертвец» и «покойник» в русском языке - одушевленные.

Другое дело - «труп». В Меде мы имели дело именно с ними. Резали, вскрывали, анатомировали – только трупы. Они неодушевленные. Срезая кусочки того, что некогда было живым, абстрагируешь от мыслей о душе.

Многие люди представляют себе сердце, печень, почки и прочие органы такими, как они изображаются в учебниках по биологии. В действительности, сердце – это комок жира. Чтобы добраться до сердечной мышцы, надо срезать, как Микеланджело, всё

лишнее. И прямо с первого курса мы усердно работали скальпелями над органами залежалых трупов. Кто-то не смог. И ушёл.

Так было надо. Привыкаешь думать о пациенте, как о куске говорящего мяса. Твоя работа. Когда пациент умирает, мы пишем, что он переведён в отделение номер, и номер патологоанатомического отделения. Никаких «RIP», никаких «покойся с миром».

Ещё с первого курса нас мучили латынью.

Латынь – это не только способ международной коммуникации медиков, латынь – это способ называть вещи не своими именами. Называешь всё по-латыни и не так жутко.

Главное, чему меня научил мед – абстрагироваться. *Medicina soror philosophiae.*

Медицина- сестра философии. Вот так-то.

Подружка, с которой я иной раз созваниваюсь, рассказывает мне, сколько у них помирашек и васильков.

Помирашка – ребёнок с неблагоприятным диагнозом.

Василёк - ребёнок с врождённым сифилисом.

Она работает в отделении педиатрии, которое мы кратко называем «детство». Поэтому её звонки для меня – голос из детства.

«Детенышу с ожогом бедра в карточке в анамнезе спросонья написала: «бо-бо в верхней трети латеральной поверхности бедра» - говорит мне она.

И мы дружно смеёмся.

Медицинский жаргон тоже способ абстрагироваться. От чужой боли. Чтобы она не стала твоей. Все болезни, так или иначе, заразны. *Alis inserviendo consumor.* Светя другим, сгораешь сам! Латынь. Мёртвый язык.

Почему «мёртвый»? Потому что нет в мире народа, который говорил бы на нём, слагал стихи и песни, изменял с течением времени. Это официальное мнение науки.

«Помирашка такой миленький был» - говорит мне она.

Я понимаю, что «был» - значит - всё, переведён в отделение за номером...

- Как его хоть звали?

- Не помню я, - говорит она, - посмотрела на него, потом на диагноз, и поняла, что не хочу знать. Даже фамилию теперь не помню.

Абстрагировалась.

- Ты бы его видела – личико прямо фарфоровое, как у куколки. Такой хорошенький.

Я не знаю, плачет ли она. По голосу ничего не понятно, а слёзы – их не видно.

- Тебе проще – говорит она.

- Да как сказать...

***

Я работаю в поликлинике. Большинство моих пациентов – старики. Из всей необозримой массы разновозрастных пациентов на участке чаще всего я контактирую с пожилыми людьми.

Все они больны, прежде всего, одиночеством. Когда какая-нибудь бабушка высиживает очередь, а, зайдя в кабинет, начинает рассказывать о своей жизни, диагноз мне ясен. И я не могу просто так выдворить её, снабдив общими рекомендациями.

Ведь я сама вышла из института одиноким человеком с дипломом специалиста. Годы учёбы прошли как в тумане. Как-то вскользь прошли любовные разочарования, ссоры с подругами, конфликты дома. И даже не смотря на то, что вокруг меня постоянно было много людей, я всё-таки оставалась донельзя одинокой, глубинным, тяжёлым одиночеством, которое сродни душевной болезни. Если бы не оно, возможно, не было бы в моей жизни Аси.

Судя по карточке, она была самым больным человеком на свете. Вызов от неё поступил на первой же неделе моей работы в поликлинике.

- Называйте меня просто Ася, без отчества, я этого не терплю – сказала она, прикуривая сигаретку.

- Какие жалобы? – спросила я.

- Ну, какие могут быть жалобы! Просто мне до смерти хотелось с вами познакомиться! Как вам наша поликлиника?

- Ещё не поняла.

- Кофе?

- Простите?

- Чашечку кофе.

- У меня много вызовов.

- Глупости, надеюсь, вы любите конфеты с ликёром?

Судя по карточке, у Аси был сахарный диабет, астма и сердце ни к чёрту.

Я и не заметила, как привязалась к этой старушке!

И вот я уже прихожу к ней без приглашения в гости, просто чтобы поболтать, чтобы послушать истории из её жизни.

У Аси было бесконечно много увлечений. Всё в мире вызывало у неё живой интерес.

Первое, что привлекло моё внимание в её доме – карликовые деревья в плоских поддончиках. Такие элегантные и маленькие – некоторые из них были моими ровесниками. Ася занималась своими, как она их называла, боньками, с пятидесяти лет.

- Как вам эта яблонька? – спросила она меня однажды, протягивая усыпанное цветами деревце.

- Чудесная, - сказала я, рассматривая крошечные цветочки, - интересно, какие у неё будут яблочки.

- По плодам их узнаете их! Только эти деревья не плодоносят. Уже то, что зацвело – подвиг.

- Оно очень красивое – похвалила я.

- Что бы оно цвело, приходится прикармливать с предельным фанатизмом. – Сказала Ася, и как бы между прочим. – Поручаю его вам.

Пока Ася рассказывала мне о премудростях ухода за бонсаем, я пыталась придумать, что бы такое подарить в ответ.

Однажды, я в очередной раз пришла навестить мою любимую пациентку.

- Знакомьтесь, Наташа, это мой внучатый племянник – сказала Ася.

Мне не надо было видеть его анализы, чтобы понять – он чем-то болен. Слишком бледный для здорового человека. Может анемия? С чего бы?

- Ася много о вас рассказывала – улыбнулся он.

- Она чудесная.

- Согласен.

***

- Наташенька, посмотрите, что там в его карточке. Ничего же не разберёшь.

Я беру карточку и начинаю её пролистывать. И вдруг, я глазам своим не верю: небрежный росчерк, которому сторонний человек не придаст бы значения.

Мы называем это «сэ-че», чтоб никто не догадался. Происходит от аббревиатуры латинского Сапсег, которую доктора пишут в диагнозе, чтобы не пугать больного.

Се-че – звучит не так уж и страшно.

Се-че – означает рак, злокачественное новообразование.

Мне становится не по себе, как будто я увидела значок «онлайн» на страничке с эпитафиями. Только гораздо, гораздо страшнее.

Сразу вспоминается нежное и проклятое «помирашка».

Я захлопываю карточку, может слишком поспешно:

- Что там? – Ася застыла в тревожном ожидании.

- Неразбериха какая-то – бормочу я. – Но анализы не очень...
- Эти врачи ничего не знают! Простите, Наташа, я не о вас. Кого они могут вылечить, если даже диагноз поставить не в состоянии!

- Мы же на трупах учимся – говорю я.

Но врачи же ошибаются. Иногда принимают доброкачественные новообразования за самое страшное.

По-латыни моё состояние можно охарактеризовать: *Contra spem spero*. Без надежды надеюсь!!!

- Наташа, там правда нет ничего конкретного. Вы не обманываете меня?

- Нет, Ася, там не написано ничего страшного.

Но страшны не сами слова, а смысл, которым они наделены.

***

Ася говорит, что самое страшное - это инсульт с последующим двухсторонним параличом.

- Лет этак на тцать. И чтоб все вокруг ходили и говорили о гуманности и зле эвтаназии!

Мы сидим втроём: я, Ася и её племянник.

- Не та бабушка, что мать родила, а та, что квартиру оставила – шутит Ася.

- Ася, а у вас нет детей – спрашиваю я.

- Была когда-то дочка...

Я не могу поверить, что весёлая и даже слегка легкомысленная Ася пережила когда-то смерть своего ребёнка. Она говорит о погибшей дочери бесслёзно, ровным, спокойным голосом.

- Ася? – говорит он.

- Нет-нет, всё нормально – по её голосу ничего нельзя понять, но слёз не видно. – Второй раз на ребёнка я не отважилась. Когда слишком боишься потерь, становишься неспособным на обретения.

- Пойдём, покурим? – говорит он, касаясь моей руки.

Моя чашка опрокидывается на стол. Я недоумённо обзираю кофейную кляксу на белой скатерти.

- Не беспокойтесь, я сейчас всё уберу. Идите, подышите никотином – говорит Ася и буквально выталкивает нас из комнаты.

У меня покалывает сердце – Ася варит слишком крепкий кофе.

Мы стоим на балконе. Он говорит мне что-то.

Порыв ветра вывернул наизнанку кусты сирени.

Казалось бы, когда ты знаешь, что человека возможно вскоре не станет, ты должен ловить каждое его слово.

Но всё, о чём я могу думать, находясь рядом с ним – его болезнь. Се-че.

- И знаешь почему? – говорит он.

- Почему? – спрашиваю я, хотя не имею ни малейшего представления, о чём мы сейчас говорим.

Кажется, но рассказывает мне что-то про Асину дочку. Невольно абстрагируюсь. Я что так и написала? Да «невольно», да «абстрагируюсь». Бывает же...

Помирашка...

Когда слишком боишься потерь, становишься неспособным на обретения.

- Вот так – заканчивает он мысль и замирает в ожидании моей реакции.

- Clear – говорю я. Английский – латынь нашего времени.

Отвечая на другом языке, проще сделать вид, что ты в теме.

И Ася прерывает наш тет-а-тет.

***

Потом я ушла в отпуск и уехала на море. Перед отъездом заскочила ненадолго к Асе.

- У меня для вас подарок - сказала я и протянула тоненькую книжечку.
- Боже, как мило – заулыбалась Ася.
- Я давно хотела сделать вам подарок, но всё не могла решить что...
- Вы – прелесть, Наташенька. Я читала её почти в детстве.

Я сказала:

- Эта книжка была у нас дома, сколько я себя помню.
- Тогда я прочту и верну её вам – заявила Ася.
- Нет-нет...

Ася подняла ладонь в знак безапелляционности своего решения.

- С моими пометками на полях. И вы сможете всегда их прочесть, даже, когда меня уже не будет.

- Ася...

- Поезжайте на море. И не вздумайте привозить мне ракушки – я их не люблю.

На том мы и расстались.

Когда я вернулась после отпуска, медсестра сразу сообщила, что у меня на участке есть зачехлившиеся (то бишь - скончавшиеся), но поминальник (то бишь - посмертный эпикриз) уже составлен другим врачом, и от меня требуется только одно. Принять как данность то, что человека больше нет. Ася.

***

Время, незаметно за суетой забот, поглотило ещё полгода моей жизни, прежде чем я решилась придти в ту квартиру. Я говорю «та» квартира, как будто сказать «Асина квартира» это какое-то святотатство. В нашем языке слишком много слов-ширм, за которыми можно спрятать что угодно.

Я говорю «испытывать особенные чувства», потому что боюсь сказать «любовь».

Мы говорим «отпустить», подразумевая не препятствовать смерти безнадежно больного в терминальном состоянии. А позволить умереть и убить – это почти одно и то же?

Я говорю себе, что должна «отпустить» воспоминания о «человеке», к которому я «испытывала особенные чувства».

Убей свою память.

Убей Асю.

Потому что любить – это больно.

Потому что любимые – всё равно уйдут и нам придётся их «отпустить».

Я стою перед дверью в Асин уютный мир. Что там теперь? Возможно, никого и только маленькие деревца чахнут в своих плошках.

Может там он, с его страшным диагнозом. С его красивыми руками и пронзительным взглядом. Помиращка.

Я нажимаю кнопку звонка.

- Кто там? – Асина квартира откликается голосом маленького ребёнка.

Значит уже продано. Там чужие люди, которые относятся к моему участку. Чужие люди, которых я должна лечить, а при необходимости «отпустить». Люди, которых я пока не знаю, и не хочу знать.

- Взрослые дома есть? – говорю я.

- Нет, я одна – отвечает девочка.

- Хорошо - говорю. – Я доктор. Из поликлиники. Приду в другой раз, когда твои родители будут дома. Скажи им.

И собираюсь уйти.

- Постойте – говорит мне ребёнок из-за двери – у меня есть тут для вас.

Что?

Она просовывает в приоткрытую дверь какой-то предмет.

- Мама сказала отдать это вам, когда придёте.

Щелчок замка. Должно быть это какая-то ошибка. Я стою одна на лестничной клетке и глазам своим не верю.

На коврике лежит старенькая книжка в тонком дешёвом переплете. Книжка, которая была у нас дома, сколько я себя помню, пока однажды я не подарила её Асе.

Тургенев «Ася».

***

Я перелистывала старые страницы. Как и обещала Ася, её заметки украсили поля и междустрочия.

Но ведь Ася умерла...

Разумеется, всему должно быть прозаическое и здравое объяснение. Но там, в подъезде «того» дома, меня посетил почти мистический ужас.

На секунду мне подумалось, что девочка, которая отдала мне книгу, была той самой Асиной дочкой, имя которой я не запомнила. Дочкой, которая умерла в глубоком детстве от какой-то болезни. Я бы знала больше, если бы не абстрагировалась тогда от его слов.

Я листаю книгу. Как разговор при сильном ветре. Я не могу перекричать порывы, которые доносят до меня Асины реплики.

Подчёркнуто: «у счастья нет завтрашнего дня... у него есть настоящее - и то не день, а мгновенье».

Рядом – Асины пометки: *«Почему мы боимся? Ведь каждый день жизни – это не шаг вперёд, как теперь принять думать, а вниз по тропинке, ведущей в долину, где плещутся воды Стикса».*

- Ведь я солгала вам, Ася! Он очень, очень болен. Страшно сказать...

«Наивно всё-таки... Но ведь почти каждого преследует своё сожаление о не содеянном».

- Отсутствие действия – это тоже действие. Как ни пытайся совладать с ситуацией, она всегда сильнее.

Подчёркнуто: «Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне еще не было ясного сознания моей любви... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать ее... но уж тогда было поздно».

«Виной каких-то страшных обстоятельств... почему-то вспомнилось... Но обстоятельства сами по себе не так страшны. Обстоятельства – это данность, в которой кто-то увидит безысходность, а кто-то, напротив, потенциал».

- Я думаю о вашем подарке, Ася. Бонсай – это дерево, только маленькое. Зажатое в жерле обстоятельств, оно не приносит плодов. Я тоже. Я не живу, а уворачиваюсь от жизни.

Я и есть помрашка.

Я – Наталья [ПоМИРашка до мозга костей] Кель.

На последней странице, в нижнем правом углу был адрес электронной почты. А в скобках имя Асиного племянника.

***

тема: Ася.

Сообщение:

Добрый день!

Тяжело смириться с утратой такого человека. Она была для меня больше, чем пациент, больше, чем друг. Думаю, ты меня понимаешь.

Хочу отнести ей цветы. Подскажи маршрут.

Наталья Кель.

Тема (Re): Ася

Сообщение:

Добрый день, Наталья!

Понимаю. Очень тяжело.
Всё в прикрепленном файле.

С уважением, Я.

У меня было подробное описание, по которому я без труда нашла могилу Аси. Я несла ей четыре белые розы.

И вот я стою рядом с оградой, но не решаюсь подойти.

Две могилы. Даты смерти разнятся примерно на два месяца. Это значит, что он умер, пока я с головой пряталась в работу. В эти проклятые полгода, когда я пыталась притупить боль внутри себя. Хотя, как может болеть пустота?

Я смотрю на даты их жизней: глыбы абсолюта, разграниченные чёрточкой. Где-то на этой чёрточке я?

Я разделяю свой прощальный букет на два.

RIP.

- Покойтесь с миром.

Я ухожу в мыслях о том, кто же общался со мной по мейлу. Почему сохранил инкогнито. Должно быть, просто потому, что не хотел затрагивать болезненную тему, сама, мол, всё поймёт, когда увидит. Просто ответил на вопрос, а от остального... правильно – абстрагировался.

Я читаю дорогой эпитафии на могилах и понимаю, что они нужны не мёртвым, а живым. Вопли против ветра. Посмертная игра смыслами. И, я ведь всегда понимала, что потенциально все мы пациенты патологоанатомического отделения. Но это только данность, в которой многие видят безысходность. И только отдельные, избранные – нечто большее.

По легенде эта эпитафия на латыни спасала жизни – в смысле – удерживала людей от самоубийства. «*Neus tu, viator lasse, qui me praeteris. Veni hoc et queiesce pusilu. Cum diu ambulareis, tamen hoc veniundum est tibi. Bene vive, propera...*»

Цитаты – это тоже способ уклонения то себя, своих чувств и мыслей. Как и латинские термины, как жаргон. Как и любые слова. Как сама природа человеческая.

«Эй, прохожий, ты, видно, устал идти. Отдохни здесь немного. Путь твой еще долог, хоть и закончится здесь. Ступай и будь счастлив, пока ты живой...».